

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽⁵⁾
осень — зима
2006

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Ю.А. Иоаннесян.* Две Скрижали Бахауллы 1863 г.:
ценная находка в собрании рукописей СПбФ ИВ РАН 5
- С.О. Курбанов.* Корейские каменные стелы хёхэнби
(孝行碑) конца XIX — начала XX в. (провинция
Южная Кёнсан, уезд Тхоньён) 44
- «Основы вероучения» 'Абу Хāмида ал-Газāли.
Комментированный перевод с арабского
С.М. Прозорова 57
- З.А. Юсупова.* «Диван» курдского поэта первой поло-
вины XIX века Нали 821

ИССЛЕДОВАНИЯ

- М.И. Воробьева-Десятовская.* К вопросу о догматике
раннего буддизма 104
- И.Т. Зограф.* Простое предложение в языке памятни-
ков средневековой китайской литературы 125
- И.И. Надиров.* К пониманию коранического
'allahumma 144
- М.Г. Романов.* Термин *ṣūfī*: одухотворяя простые слова
(на англ. яз.) 149
- Л.Ю. Тугушева.* Несколько замечаний в связи
с реконструкцией древнетюркских религиозных
представлений (на англ. яз.) 160
- И.Р. Каткова.* Суфийское братство Самманийа
в Индонезии 163

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2006

<i>А.В. Зорин. Особенности композиции индо-тибетских буддийских гимнов</i>	169
<i>А.Б. Куделин. О поэтическом компоненте «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама</i>	178

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>А.Г. Грушевой. Иудеи и иудаизм в римском праве (I в. до н.э. — I в. н.э.) (Официальные документы римского времени в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия как историко-правовой источник)</i>	190
<i>Е.И. Кычанов. Билики Чингис-хана</i>	210
<i>Giovanni Stary / Джованни Стари. Чингис-хан в «Сокровенных хрониках маньчжурской династии»</i>	217
<i>А.И. Колесников. Обзор новых материалов для изучения сасанидской администрации</i>	223

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

На четвертой стороне обложки:	<i>А. Гриб. Атрибуция отдельных листов рукописей Корана из архива Э. Херцфельда (Отдел исламского искусства Метрополитен-музея)</i>	232
Страница рукописи Скрижали священного морехода из собрания СПбФ ИВ РАН	<i>Т.И. Виноградова. «Сахалинский фонд» как часть книжного фонда библиотеки СПбФ ИВ РАН</i>	249

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т.А. Пан. Кюнеровские чтения в МАЭ РАН</i>	252
<i>С.А. Французов. Детище Бутруса (сессии ленинградских/петербургских арабистов на страже традиций классического востоковедения)</i>	254
<i>М.Б. Пиотровский. Первые десять сессий ленинградских арабистов</i>	264
<i>О.В. Васильева. Два века Отделу рукописей Российской национальной библиотеки: научные заседания, выставки, публикации</i>	266

РЕЦЕНЗИИ

Над номером работали:	<i>The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century. Transl. with a hist. and philological commentary by I. de Rachewiltz (Н.С. Яхонтова)</i>	272
Т.А. Аникеева	<i>О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. Пер. с кит. А.С. Мартынова, И.Т. Зограф, вступ. ст. и коммент. А.С. Мартынова, грамMAT. очерк И.Т. Зограф (И.Ф. Попова)</i>	274
В.В. Волгина	<i>Видения буддийского ада. Предисл., пер., транслит., примеч. и глоссарий А.Г. Сазыкина (Т.А. Пан)</i>	276
Р.И. Котова	<i>О.Ф. Акимущкин. Средневековый Иран: Культура. История. Филология (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов)</i>	277
А.А. Ковалев	<i>А.Л. Хосроев. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте) (А.С. Ковалец)</i>	279
О.В. Мажидова		
З.Г. Минеджян		
О.В. Волкова		
И.Г. Ким		
М.П. Горшенкова		
А.В. Богатюк		
Э.Л. Эрман		

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2006	<i>Мая Петровна Волкова (1927–2006)</i>	283
© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения, 2006	<i>Михаил Евгеньевич Ермаков (1947–2005)</i>	286

Надиров И.И.

К пониманию коранического *'allahumma*

Происхождение арабского *'allahumma* до сих пор занимает умы арабистов и исламоведов. В арабский язык **اللهم** попало, скорее всего, из сирийского: **ܠܗܘܡܐ**¹. Согласно Т. Нёльдеке, *'allahumma* есть древнеарабская формула инвокации: «О, Аллах!», рядом с которой применяется и *Lahumma*². Данная точка зрения, вероятно, получила больше сторонников, чем позиция Й. Велльхаузена, полагавшего, что слово первоначально обозначало бога Аллаха как наиболее могущественного бога в ряду других древних арабских богов. Имя употреблялось при молитве или пожертвовании, завершая восхваление или проклятье³.

Что касается таинственного *'allahumma*, данное имя, судя по виду, является составным из слова «Аллах» и постфикса *-ma* (*-ma*) в качестве звательной частицы. Однако данная этимология удовлетворяет лишь отчасти: форма ошибочна, поскольку расходится со всеми правилами арабской грамматики и представляет сугубо единичный случай инвокации в арабском языке. И то, если только принять, что употребляемая вместо классического *ya* звательная частица *-ma*, в виде исключения занявшая место в конце слова *mis en apostrophe*, соединилась с ним как приставочная частица.

Трудности становятся очевидными, если указать, что редко встречающийся, но подлинный вариант воззвания *ya allahomma* предполагает, что «Аллах» странным образом помещен между двумя междометиями⁴. Каким же образом имя этого божества, призываемое в молитвах и жертвованиях, в разговорном языке заканчивалось тем, что стало эквивалентным междометию? В этой связи появились несколько интерпретаций.

Так, указывается на возможность использования имени Аллахумма в качестве имени собственного⁵, что, по всей видимости, маловероятно. Другой, более вероятный вариант толкования заключается в заимствовании искаженного еврейского *Elohim*⁶. Идея такой интерпретации выглядит плодотворной, и мы попытаемся убедить читателя в этом.

Коль скоро **اللهم**, произносясь *allahumma*, пишется без конечного алифа⁷, наиболее близкой параллелью и, возможно, архетипом, как уже говорилось, является евр. *Elo-*

¹ Brockelmann C. Lexicon Syriacum. Halle, 1928. P. 11: (nisi em) divinus.

² Nöldeke Th. Zur Grammatik der klassischen Arabisch. Wien, 1896. S. 6.

³ Wellhausen J. Reste arabischen Heidentums. В.-Lpz., 1927. S. 224 (далее — Wellhausen. Reste); см. также: Goldziher I. Abhandlungen zur arabischen Philologie. I–II. Leiden, 1896–1899. I. S. 35ff.

⁴ Ibn Manẓūr. Lisān al-'arab (Арабский язык), art. «'lh»; Al-ṣiḥāḥ al-Jawhārī (Исправления ал-Джайхари). Бу-лāq, 1292 h., art. «لهم», где приводятся слова поэта, выражающие возвышенную просьбу о прощении и милости: عفوت أو عذبت يا اللهم. Также Baiḍāwī. Anwār al-tanzīl wa 'asrār al-ta'wīl. 2 vol. Constantinople, 1303 h., iii, с. 25. Заимствование, предложенное ал-Фарра' (ум. 207 г.х.), довольно рискованное. Ср.: Chelhod. Les structures du sacré chez les Arabes // Islam d'hier et d'aujourd'hui, XIII (1964). P. 97–98 (далее — Chelhod).

⁵ Мнение Ж. Шелхуда. Куфийская теория о контракции фразы *Ya llahi amnā bi-ḥeir* (Baiḍ. iii, 25) была развенчана Ибн Йа'ишем (Т. I. С. 181). Al-Khafājī (С. 20) видит в *allahumma* иностранное, неарабское слово.

⁶ Margoliouth D.S. ERE, iv. S. 248. Возможно, не без участия сирийского **ܠܗܘܡܐ**.

⁷ Однако у ал-Джаухари (loc. cit) засвидетельствовано **اللهم** (*Al-ṣiḥāḥ*, II, 432). Видимо, конечный алиф заслуживает доверия, поскольку издание редактировалось именитым Ибрахимом 'Абд ар-Раззаком ал-Дусуки.

him. Эта гипотеза вполне вероятна, поскольку опирается на многовековые связи евреев с арабами. Думается, что, в целом, речь может идти об одном и том же божестве для всех семитов, которое стало также известно как воплощение множественности сил, поскольку *elohim* представляет собой имя во множественном числе⁸.

Но как объяснить конечное *-ma*? Ну, во-первых, если наше предположение правильное, надо указать, что слово первоначально вошло в арабский целиком, и отсюда — конечный *мим* при любой вокальной окраске (которая, вероятно, несколько исказилась в соответствии с арабскими грамматическими канонами)⁹.

Во-вторых, возможно, здесь существует скрытая связь с арабским *nā* «нашим» (вероятность этого, собственно, и подала мне идею настоящего сюжета), и тогда получится, что Аллахумма есть результат слияния *Elohim* (= *allahum*) и *-nā*, что в результате редукции, а точнее, геминации дает *allahum-na*, откуда *allahum-ma*, «Боже наш»! В-третьих, арабское местоимение мн. числа *-nā* ассимилировалось предыдущим *т* имени мн. числа *allahum* и в итоге дало *-mma* (без долготы), именно потому, что *мим* есть коренной звук, а *нун* — «лишь» слитное местоимение. С этим же, возможно, надо увязывать и отпадение конечного местоименного алифа, поскольку в отсутствии *нуна* он теряет смысл. Однако огласовка окончания не позволяет до конца забыть, что здесь находилось местоимение 1-го лица мн. ч.

Если сравнивать с соседним Израилем, то показательно, что в еврейских молитвах к богу обращаются как к «нашему Богу» (*Элохейну*): «Благословен ты, Господи (ברוך אתה אלהינו) Боже наш (אלהינו), Владыка вселенной (מלך העולם)». В древнеарабских обращениях к богу — та же картина: «О Боже наш (الله)», хотя более точно будет переводить в обоих языках «Боги наши», что еще раз наводит на мысль о заимствовании выражения целиком из еврейского. Аллахумма можно было бы рассматривать как передачу Элохейну, и именно в вотивном значении. Наконец, следует обратить внимание на сохранение в Коране кальки «Владыка вселенной», предваряющей суры; выражение (رب العالمين) также представляет заимствование из еврейского (מלך העולם) и, возможно, пальмирского (בעל שמן מרא עלמא, Vogüé, 73)¹⁰. При этом и Элохим, и Аллахумма — единственного числа: достаточно привести прамбулу к договору, начинающуюся словами *bismika llahumma*.

Примечательно то, что в «Китаб ал-мухаббар», например, у каждого божества была своя инвокация, но каждое заклинание, каждая просьба начиналась фразой *Labbayka allahumma labbayka labbayka*¹¹.

⁸ У Маймонида (Путеводитель растерянных. Иерусалим–Москва, 2003. С. 67), в его комментарии Библии, читаем: «Известно всякому, кто владеет еврейским языком, что слово אלהים может означать и Божество, и ангелов, и судей — правителей государств. Как уже Онкелос Прозелит (мир ему!) объяснил (и справедливо объяснил), в словах: „И будете, как боги (אלהים), знающие добро и зло (טוב ורע)“ подразумевается последнее из перечисленных значений...» (Быт 3:5). Для понимания значения слова в иудаизме, а также причин применения мн. числа данное замечание важно, однако арабы, очевидно, восприняли слово только в одном, первом его значении.

⁹ В семитских языках «нун» и «мим», так же как «'айн» и «гайн», довольно часто взаимозаменяются, что отмечено еще Бируни в «Аль-Асар аль-Бакия» (Памятники древности). — Изб. пр. Т. 1. Таш., 1957. С. 215. Отметим при этом, что в хамитских языках в местоимениях 1-го лица мн. числа носовой звук *n* и *m* в качестве составной части встречается довольно часто.

¹⁰ Ср.: *Deus Aeternus* для Юпитера Долихена.

¹¹ Вот, например, несколько инвокаций к языческим богам: 1) Isāf (Курайш) — *Labbayka allahumma labbayka labbayka*. «У тебя нет партнера, сохрани одного, которым ты руководишь, и который сам не руководит». [В «Книге идолов» данная формула приписывается группе Низār, а в «Сире» — Хубалу]; 2) Al-'Uzzā (в Нахле) — *Labbayka* и т.д. «Мы помогаем и поддерживаем тебя»; Al-Lāt (в Верхней Нахле и Таифе) — *Labbayka* и т.д. «Достаточен в нашем обиталище дом, он не покинут, он не покинут удачей, он из чистой земли; его владельцы честны», и т.д. (*Al-mustatraf* (1268) 2, 97; *Wellhausen. Reste. S. 19*). См.: *Tritton A.S. Notes on Religion in Early Arabia // Le Muséon, 72 (1959) 35–37*.

Иными словами, можно говорить о том, что в названии божества *allahumma* подразумевался в каждой отдельной ситуации определенный бог, когда адорант именовал его, как мы полагаем, «Бог-Наш»; ситуация имеет отношение, естественно, только к доисламскому периоду.

Притом что наш предварительный вывод по поводу толкования слова *Аллахумма* как «Нашего Бога» может быть обоснован или нет, мы могли бы указать на иные божественные имена, связанные и не связанные с семитскими богами.

Для семитских параллелей достаточно указать на сир. ܢܫܝܢ «наш Господин»¹², с которым связаны «Мараны» в арабских царствах первых веков н.э.; о них речь пойдет ниже.

Довольно точную параллель к такой трактовке представляет имя Диониса. Дело в том, что в раннегреческом (реконструированном) **Deiwas Nusos* можно было бы предполагать передачу прафракийской формулы теонима с порядком компонентов «определяемое + определение»¹³. В древнехеттском тексте царя Аниттаса (XVIII в. до н.э.) среди богов Несы упоминается некий Сиусуммис. Большинство хеттологов приходят к выводу о возведении данным царем в Несе святилищ трем особо почитавшимся богам: Небесному Богу Грозы, богине престола *^dHalmašuit* (Халмасуит) — хтоническому божеству, связанному с Нижним (потусторонним) миром и морскими пучинами¹⁴, — и Сиусуммису, своеобразной триаде принципиальных неситских божеств. Древнейшая запись имени *Šiušummiš*, в виде теофора *Šiwašmi*, датируется еще раньше неситского текста в одной из каппадокийских табличек III–II тыс. до н.э.¹⁵, где, вероятно, это имя стоит в форме *casus indefinitus* с нулевым оформлением без энклитик, равным вокативу. Как отметил Г. Оттен (1959), имя данного бога в хеттской культовой традиции дожило до эпохи империи (XIV–III вв. до н.э.), когда *^dŠiušummiš* (или в аккадизированной несклоняемой форме *^dŠiušumma*) получил в Хаттусасе храм в числе второстепенных богов, почитаемых царем по определенным праздникам. Этимология имени Сиусуммиса довольно рано была истолкована как сочетание слова *šiuš* «бог» < т.е. *dyēus*¹⁶ с притяжательным местоимением. Но вот каким именно? До 1970-х годов практически все хеттологи интерпретировали данное местоимение как энклитику 2-го или 3-го лица мн. числа *-š(u)miš* («Бог-Ваш» или «Бог-Их»), реже — 1-го лица ед. числа *-miš* («Бог-Мой»)¹⁷. Затруднение такого истолкования теонима заключается в том, с кем, собственно, ставится этот бог в связь, провозглашаемую надписями, и к кому обращены проскинемы и инвокации. Лишь Г. Оттен в 1959 г. предложил интерпретацию «Бог-Наш», что было убедительно подтверждено в 1970-х годах при выявлении старого притяжательного местоимения 1-го лица мн. числа *šummiš*¹⁸. Это открытие, сделанное при переводе ряда архаических

¹² Данный божественный титул в виде ܢܫܝܢ *dominus noster* с параллельным гр. ὁ φάναξ (*o fanax*) отмечается на Кипре, а также в Карфагене (CIS 269).

¹³ О малоазийских корнях Диониса см., например: Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 234–270.

¹⁴ Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

¹⁵ Laroche E. Les noms des Hittites. P., 1966. P. 164 (далее — Laroche).

¹⁶ В. Цымбурский, в частности, отмечает, что «не видно препятствий к тому, чтобы... восстановить для прафракийского языка теоним **Deiwas Nūsas*, сочетавший лексему для „бога“ с определительным элементом **nūsas* и относившийся к туземному божеству, воспринятому греками... примерно в начале II тыс. до н.э.» (см.: Цымбурский В.Л. Имя Диониса // Индоевропейское языкознание и классическая филология. V. СПб., 2001. С. 152, далее — Цымбурский).

¹⁷ Güterbock H.G. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200 // ZA. NF 10. 1938, H. 1/2; Laroche. P. 164–165; Гуоргадзе Г.Г. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов // Вестник древней истории. 1965. № 4 и др.

¹⁸ Neu E. Der Anitta-Text. Wiesbaden, 1974. S. 124; Otten H. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpe. Wiesbaden, 1973. S. 35.

хеттских текстов («Повесть о Цальпе», «Повесть о Саргоне»), установило толкование имени Сиусуммиса как «Бога-Нашего» (< *dyēus-nsmis*) общепризнанным.

Достоверная трактовка смысла приведенного древнехеттского теонима, возможно, позволяет рассматривать прафрак. *Deiwas Nūsas* > раннегреч. *Deiwas Nūsos* (Δεῖβωσος, Δεῖβωσος) как аналогичную теонимическую форму, где в качестве определения при слове «бог» стоит притяжательное местоимение 1-го лица мн. числа.

Названные выше неситская и раннегреческая триады сопоставимы с триадами Хатры и Ашшур¹⁹ и проливают свет на характер одного из богов Хатры и Ашшур, Бармарина (BRMRYN = «Сын-Господ-Наших»), составляющего вместе с Мараном (MRN = «Господин Наш») и Мартан (MRTN = «Госпожа Наша») триаду, почитавшуюся в Северной Месопотамии на рубеже н.э. местными арамеями и арабами. При этом важно указать, что имя MRN — очень древнее, оно восходит к эпохе бронзы, поэтому мы с повышенным основанием можем сравнивать две триады: триаду MRN–MRTN–BRMRYN (последний отождествляется рядом исследователей именно с Дионисом), с одной стороны, и триаду Зевс–Семела–Дионис, — с другой. Более того, эти боги находятся в одном семантическом ряду с названной выше неситской триадой: Небесным Богом Грозы, богиней престола Халмасуит, ведавшей Нижним миром, и Сиусуммисом (Богом-Нашим, богом мира людей). В равной степени все понятно и с раннегреческой триадой (Зевс = Небесный бог, Семела = «нижнее, низовое» существо [**dhg 'hem-elā*]²⁰, а Дионис = Бог-Наш, бог людей).

MRN²¹ — бог Солнца (и неба?), поскольку его изображения в Хатре сопровождаются солнечным гало и божественный титул MRN неоднократно сопровождается в надписях теонимом ŠMŠ. Несмотря на отсутствие иных имен богини MRTN, доступная нам иконография позволяет видеть в ней богиню Луны (атрибут — полумесяц), что так или иначе можно рассматривать как оппозицию к MRN, т.е. ряд противопоставлений: Солнце–Луна, День–Ночь, Жизнь–Смерть, Небо–Земля, Мужчина–Женщина. Интересно отметить, что Мардук и Царпанит (Иштар) назывались во время новгородных ритуалов «Господин наш» и «Госпожа наша»²² и в Хатре эти два бога вместе с Набу считались иноземными, ненаследственными и в этом качестве назывались эпитетом MR²³.

Еще одним примером почитания бога под именем «Нашего Господина» является теоним 𐤍𐤏𐤍, засвидетельствованный в древней Газе²⁴.

Слово *Аллахумма*, как представляется, лежит в той же смысловой плоскости, в том же сигнификатном поле, хотя и относилось, как видно из приведенных выше примеров, не только к Аллаху. Это, с одной стороны, не исключает, что и Аллах (в виде

¹⁹ На стене одного из частных домов в Дуре-Европос также можно прочитать имена названной триады (на арамейском языке): *Levi Della Vida* apud *Cumont F. Fouilles de Doura-Europos*. P., 1926, P. 448, no. 129.

²⁰ *Цымбурский*. С. 155.

²¹ В сирийской христианской литературе ܡܪܢ достаточно широко используется как постоянный эпитет Христа (*Baudissin W.W.* *Kyrios als Gottesname im Judentum und seine Stelle in der Religionsgeschichte*. III. Giessen, 1929. S. 60).

²² *Ravn O.E. Øst og Vest // Arthur Christensen Anniversary Volume*. Copenhagen. 1945. P. 118–119; *Kugler E.* *Sternkunde und Sterndienst in Babel*. Bd 1. B., 1949. S. 14.

²³ Вообще следует отметить, что разница между заимствованными и собственно арабскими богами и значение их в пантеоне можно проиллюстрировать на примере контраста пальмирского бога-защитника племени или клана Шай' ал-Каума и бога дождливых земель Зу Шара. Шай' ал-Каум, будучи богом кочевников, не одобрял употребление вина, как свидетельствует посвящение на алтаре храма Бела в Пальмире (26 г. правления Раббела II: 96 г. н.э.): «Эти два алтаря возведены 'Обейдом, сыном Ганиму, сына Са'адаллата, набатеям из племени Руху, который был всадником в Хире и лагере 'Ана, для Шай' ал-Каума, бога хорошего и вознаграждающего, не употребляющего вина, для его спасения и жизни...». В сферу набатейского влияния входили также и культивируемые зоны, насельники которых, таким образом, платили дань (выкуп) Зу Шаре (Душаре), Богу вина, «Тому, кто из Šarā, т.е. из земель, где часты желанные дожди».

²⁴ *Baudissin W.W.* *Studien zur Semitischen Religionsgeschichte*. H. I. Lpz., 1876. S. 61.

Аллахумма), как и многие другие божества арабов, первоначально рассматривался как «Наш Бог», «бог людей» в качестве общего обращения, примененного ко всем богам (прошу отметить, не только к мужским), и лишь со временем, с приходом ислама, был вытеснен вместе с другими языческими богами из молитв.

Хочется в виде глоссы добавить еще несколько слов. Если евреи перестали называть своего бога иначе как Яхве («тот, который сущий»), то арабы оставили его практически без имени. Аллах — имя, которое следует понимать единственно как стяжение от *al-ilāh* «бог». Оно «подходит» к имени *تعالى* («Всевышний»). Согласно одной из старых формул молитвы древних арабов, обращение делалось именно к имени *allahumma* (Коран 3:26, 5:114, 8:32, 10:10, 39:46), «нашему Аллаху», однако здесь Аллах выступает в роли бога *par excellence*²⁵.

В свете изложенного выше можно предложить следующие предварительные выводы.

Во-первых, слово *Аллахумма*, скорее всего, было заимствовано из евр. אלהים или сир. ܐܠܗܝܘܬܗ.

Во-вторых, данное слово по форме представляет собой, с одной стороны, множественное число имени (Аллах), которое переводилось первоначально как бог *par excellence*, а с другой стороны, возможно, имело место удвоение конечного *m*, что должно указывать на местоимение множественного числа. Не исключено, что *Аллахумма* первоначально и понималось как «Боги наши» (вследствие заимствования термина *элохим*, значение которого арабы, безусловно, понимали), переродившееся в «Бог Наш».

В-третьих, инвокация «Бог Наш» («наш господин») была широко распространена у семитских и соседних народов с глубокой древности, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

И наконец, если подходить к данному слову с точки зрения консонантной окраски, имя *allahumma* следовало бы трактовать как более древнюю форму имени Аллах²⁶ — форму божества, упоминаемого при определенных обстоятельствах (произнесении молитвы, заключении договора).

Summary

I.I. Nadiroff

Towards understanding the Qur'anic 'allahumma

The mysterious Qur'anic formula 'allahumma is doubtless Semitic, and it refers to God (Allah). However, its exact grammatical form and significance is, to this day, a moot point for scholars.

Having analyzed the use of this word in the Qur'an and related forms in Arabic, Hebrew and Syriac, the author offers the following preliminary conclusions:

- 1) The word has most likely been borrowed from either Hebrew 'elohim or Syriac 'alahana.
- 2) Its form is plural; it might have contained the plural pronominal suffix, thus meaning "our gods".
- 3) The invocation "Our God" (or "Our Lord") is a very probable translation of 'allahumma, as it was very wide-spread among the Semitic peoples of Near East since very early epoch.

²⁵ Фраза *bi'smika 'llāhumma* приписывается Умайе ибн Аби-Салту (Aghānī. III. С. 187 = n.e. IV, 125–126; *Tabari*. Annales. Ser. I. С. 1198), который ввел ее в качестве преамбулы к письменным договорам; Мухаммадом она была, как языческое выражение, заменена на другие (*Ibn Hishām*. Т. 1. С. 747; *Wellhausen J. Scizze und Vorarbeiten*. Bd IV. В., 1899. S. 108, 128).

²⁶ По эпиграфическим данным, теофорные имена с именем Аллах (например, *Abdalla*) встречаются в Передней Азии уже на рубеже н.э.